

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗ ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИДЕЙ

Сборник статей

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА
ВЯЧЕСЛАВА ПЕТРОВИЧА
ВОЛГИНА

Веб-публикация:
Vive Liberta и Век Просвещения, 2010-2013

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1955

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Торжественное заседание	5
Академик А. Н. Несмеянов. Речь на чествовании академика В. П. Волгина . . .	11
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Научная и общественная деятельность академика В. П. Волгина	14
Библиография трудов академика В. П. Волгина	22
А. В. Кольцов. Перестройка деятельности Академии наук СССР в 1930—1934 гг.	36
—	
С. Л. Утченко. Проблема кризиса полиса в античной идеологии	49
Н. И. Голубцова. Идеологическая борьба в Риме на рубеже IV—V вв.	59
Член-корр. АН СССР Н. И. Конрад. «Средние века» в исторической науке . . .	76
Член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская. Идея равенства в учении маздакитов .	97
А. И. Неусыхин. Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX вв.)	102
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино	122
Член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев. Проблема Возрождения в освещении ренессансных писателей и «просветителей»	130
М. М. Смирин. К вопросу о характере Великой крестьянской войны в Германии	141
Ф. А. Коган-Бернштейн. Борьба за национальный язык во французском гуманизме	156
К. Р. Симон. «Энциклопедия, разделенная на семь частей» Иоганна-Генриха Альштеда (1630 г.)	171
Академик М. Н. Тихомиров. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в.	181
В. Ф. Семенов. Восстание на севере Англии 1569—1570 гг.	190
Член-корр. АН СССР С. И. Архангельский. Движение крестьянской бедноты в графстве Норсемптон в первой половине XVII в.	205
Б. Ф. Поршнев. Народные истоки мировоззрения Жана Мелье	✓213
С. С. Сафронов. Политические и социальные идеи Мабли	✓238
Б. Г. Кузнецов. Ранние работы М. В. Ломоносова и общий характер научного мировоззрения XVIII в.	265
Академик А. М. Деборин. Социально-политическая доктрина физиократов . . .	283
В. С. Алексеев-Попов. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790—1791 гг.)	299
М. М. Штранге. Отклики русских современников на события французской буржуазной революции 1789—1794 гг.	340
Ю. Я. Мошковская. Мировоззрение немецкого революционера XVIII в. Георга Форстера	353
И. С. Миллер. Воззвание Франциска Гожковского	365
Член-корр. АН СССР М. В. Нечкина. Декабристская «утопия»	376
М. А. Алпатов. Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX в.	385
Е. Б. Черняк. Революционное движение в Англии в 1820 г.	413
К. Э. Кирова. Концепция итальянской революции в ранних работах Мадзини	432
Н. А. Ерофеев. Исторические взгляды чартиста О'Брайена	452
В. М. Лавровский. Русские революционные демократы о чартистском движении в Англии	466

И. А. Бок. Новые данные о пребывании Маркса и Энгельса в Лондоне в августе 1845 г.	479
Г. М. Ойзерман. К характеристике борьбы Маркса и Энгельса против воззрений К. Гейне	483
И. Е. Зислингер. Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом Манифесте»	491
А. М. Малик. Из исторических документов июньского восстания парижских рабочих	519
Р. А. Азарбух. Герцен и Чернышевский о борьбе немецкого народа за независимость в 1848—1849 гг.	529
С. Б. Кот. Начало историко-булгарской историографии германской революции 1848—1849 гг.	537
И. И. Замберфорд. Коммунистическое значение футуризма	548
Член-корр. АН СССР Ф. В. Волгин. К вопросу о положении рабочего класса во Франции в последний период промышленного переворота (50—60-е годы XIX в.)	570
Э. А. Дембиски. Из истории рабочего и социалистического движения во Франции в 1848—1870 гг.	601
А. Э. Манфред. Французское революционное движение после Парижской Коммуны и Н. Г. Чернышевский	633
Б. Г. Дювер. Первое русское исследование французской буржуазной революции XVIII в.	643
Б. П. Кольман. Социально-политические и философские взгляды В. И. Танеева (Из истории утопического социализма в России)	664
Э. К. Эзлерг. Даниель де-Леон — идеолог анархо-синдикализма в американском рабочем движении	674
Член-корр. АН СССР Е. М. Жуков. Предсмертное письмо Котоку Дэндзиро (Из истории социалистической мысли в Японии)	690
Академик А. М. Панкратова. Пропаганда идей социализма среди рабочих России в 70—80-х годах XIX в.	702
Академик И. И. Минц. Перемещение центра мирового революционного движения с Запада в Россию	738

Посвященное академику В. П. Волгину исследование академика В. В. Струве об исторических надписях шумерского реформатора Урукагины не смогло быть включено по причине большого объема в данное издание и будет опубликовано в «Вестнике древней истории».

Статьи из сборника и тематически связанные материалы
Вы можете найти в нашей библиотеке:
<http://istmat.info/vive-liberta>

КРЕСТЬЯНСТВО И КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ
В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ
РАННЕФЕОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА (VI—IX вв.)

I

Причины относительного своеобразия крестьянских восстаний, разыгравшихся в раннефеодальный период в разных областях Западной Европы (в частности в пределах Каролингской империи), можно понять лишь исходя из особенностей самого раннефеодального крестьянства как класса. В это время (VI—IX вв.) идет процесс расслоения прежней, дофеодальной свободной общины и возникновение зависимого крестьянства. Процесс этот протекает неравномерно в различных областях — быстрее к западу от Рейна, медленнее к востоку от него и притом с местными особенностями; однако, поскольку он связан с разложением общины, основное его содержание сводится, повидимому, к превращению свободных общинников-аллодистов в зависимых крестьян¹.

Это превращение в свою очередь идет разными путями и проходит различные этапы, точно так же как и развитие самой общины, которая эволюционирует от родовой общины к земледельческой (по терминологии Маркса) и от земледельческой общины — к соседской или к марке в тесном смысле этого слова (через промежуточную стадию «домовой общины» или «большой семьи») ². Свободные общинники превращаются в зависимых крестьян как путем вступления в личную и судебную зависимость разного характера и происхождения, так и через посредство экономического закрепощения. В настоящей статье нас будет интересовать главным образом именно это последнее. Ибо утеря *свободным* общинником его аллода ³ и превращение этого аллода из собственности в держание (на

¹ В данной статье мы оставляем в стороне вопрос о значительной роли античного рабовладения и колоната в формировании зависимого крестьянства, особенно в западных областях «переживших завоевание» (Ф. Энгельс. Заметки о Германии. Архив Маркса и Энгельса, т. X, 1948, стр. 343), так как здесь мы имеем в виду ту сторону процесса возникновения феодально-зависимого крестьянства, которая тесно связана с разложением свободной общины; другими словами, в настоящей статье идет речь главным образом о тех зависимых крестьянах, которые произошли из свободных общинников

² Различные этапы развития общины у древнегерманских племен Западной Европы прослежены нами во вводной части статьи «Структура общины в Южной и Юго-Западной Германии в VIII—X вв.». Сб. «Средние века», т. IV, 1953, стр. 33—36; ср. так же нашу статью «К вопросу о раннем этапе возникновения зависимого крестьянства, как класса». «Средние века», т. VI — Не имея возможности входить здесь в подробности, укажем лишь, что под общиной-маркой в тесном смысле этого слова мы разумеем, согласно учению Маркса и Энгельса, последнюю стадию в развитии свободной общины, т. е. такую общину, в которой пахотные наделы крестьян уже стали их аллодальной собственностью. Большой семьей мы называем здесь семью из трех поколений.

³ Ср. следующее замечание Энгельса по этому поводу: « прежде, чем свободные франки могли сделаться чьими-либо поселенцами, они должны были каким-нибудь образом потерять аллод...» К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 397).

любых условиях) и есть тот решающий шаг, который превращает *свободного* мелкого производителя материальных благ — собственника земли (как основного условия производства) и плодов своего труда, в зависимого мелкого производителя, лишеного собственности на свой земельный участок и сохранившего лишь пользование им, а потому вынужденного отдавать часть прибавочного труда или прибавочного продукта собственнику земли — вотчиннику.

Массовая утеря общинниками их аллодов и приводит к возникновению целой системы зависимых мелких крестьянских хозяйств, эксплуатируемых крупными земельными собственниками, вместо прежней совокупности свободных мелких хозяйств, объединенных в независимые общины типа «марки».

Формы и способы этой утраты свободными общинниками их аллодов могут быть опять-таки весьма различны; но среди многочисленных сделок, в которые облакается этот акт (дарение, продажа, залог, обмен и др.), особый интерес исследователя, естественно, вызывают дарения земельных участков в пользу крупных, большей частью церковных, вотчинников. Они привлекают к себе внимание не только в силу своего массового характера и обилия дарственных грамот, но и потому, что знаменуют самый момент превращения аллода в держание и тем самым позволяют, казалось бы, уловить самую суть этого процесса, особенно в тех случаях, когда грамоты содержат данные об условиях превращения переданного в силу дарения земельного участка в прекарное держание дарителя (бывшего аллодиста).

Однако выявление сущности указанного процесса сильно затрудняется тем, что данные наших источников о социальном составе основной массы дарителей весьма противоречивы и часто недостаточны ясны (несмотря на обилие этих данных). Различные группы источников дают *разное* представление о социальном составе дарителей, точное установление которого чрезвычайно важно для решения вопроса, какие же слои аллодистов превращаются в держателей крупных вотчинников. Особенно резкое противоречие в этом отношении имеется между показаниями варварских правд VI—IX вв. и сборников дарственных грамот VIII—X вв. (картуляриев). В целом ряде правд из разных областей тогдашней Западной Европы (в лангобардском эдикте Ротари 643 г., в Саксонской правде 802 г., в Баварской правде начала VIII в. и др.) в качестве дарителей выступают не только мелкие светские землевладельцы и зажиточные общинники, но и разорившиеся общинники-бедняки (не говоря уже о средних рядовых общинниках). Между тем в картуляриях основная масса дарителей состоит главным образом из зажиточных аллодистов, нередко эксплуатирующих труд несвободных, хотя бы и в сравнительно небольшом размере (конечно, если оставить в стороне легко поддающуюся выделению группу более или менее крупных светских вотчинников, вступающих при помощи дарений в сделку с крупными церковными вотчинниками).

При попытке объяснить это противоречие необходимо иметь в виду также и особенности названных групп источников: варварские правды отражают более раннюю стадию развития, чем картулярии (иногда независимо от времени записи правд); к тому же они содержат лишь скудные упоминания о дарениях, формулированные в виде общих норм обычного права, но редко описывают подробно сущность сделки¹ и никогда не дают представления о конкретных дарителях; зато они указывают социальное и имущественное положение дарителей в тех типических случаях

¹ Одно из исключений составляет раскрытие сущности дарения в § 173 эдикта Ротари

дарственных сделок, которые в них зафиксированы. Грамоты картуляриев излагают содержание отдельных конкретных сделок и иногда дают представление и об их условиях, не говоря уже о том, что они всегда так или иначе описывают объекты дарения; но они в большинстве случаев не обозначают социальное положение дарителей (за исключением грамот крупных светских вотчинников и титулованных особ) ¹. Кроме того, их данные об условиях и объектах дарения часто не полны, и эта неполнота — в соединении с отсутствием указаний социального статуса дарителей — сплошь и рядом не позволяет точно решить вопрос, относится ли тот или иной даритель к зажиточным или средним общинникам или же его следует считать собственником мелкопоместного типа. Таким образом, на главный вопрос, — крестьяне или мелкие вотчинники составляют основную массу дарителей, — многие картулярии не дают точного ответа; между тем варварские правды отвечают на него указанием на наличие и тех и других (в том числе и разорившихся крестьян) в составе дарителей, конечно, не давая возможности выяснить не только количественное соотношение между ними, но даже и их сравнительный удельный вес. Следовательно, даже и при учете особенностей обеих групп источников между ними продолжает зиять некий пробел.

Вряд ли можно заполнить его ссылкой на архаизирующую тенденцию варварских правд; ибо, несмотря на эту тенденцию, как раз некоторые варварские правды свидетельствуют не только о разного типа крестьянских, но и о мелковотчинных дарениях, между тем как данные картуляриев о типично крестьянских дарениях всегда могут быть подвергнуты сомнению ввиду отсутствия в грамотах точных критериев отнесения дарителей к той или иной группе собственников (крестьян разной степени зажиточности или мелких вотчинников) ².

Трудно объяснить дело также и тем предположением, что мелкие и средние свободные крестьяне ко времени составления грамот (VIII—IX вв.) уже почти поголовно впали в зависимость и иными путями (помимо дарений, фиксированных в грамотах) утратили свои аллоды, а потому редко выступают в качестве дарителей. Этому допущению противоречит тот факт, что свободные крестьяне-аллодисты (как средние и зажиточные, так и разоряющиеся бедняки, еще не утратившие, однако, полностью своих аллодов) встречаются в качестве дарителей не только в варварских правдах, но и в различного рода законодательных, юридических и церковных памятниках каролингского периода, одновременных с дарственными грамотами (в капитуляриях франкских королей, в сборниках юридических формул, в постановлениях церковных соборов). Весьма существенно, что это как раз те памятники, которые отражают именно процесс разорения и закрепощения части свободного крестьянства в IX в., и тем не менее они прямо говорят о вынужденных дарениях бедняков (которые, следовательно, имеют что дарить), называя при этом вещи своими именами, т. е. обозначают бедняков как «раупегес» и т. д.

¹ Социальное положение дарителей указывается в некоторых баварских картуляриях, но социальная терминология этих памятников неустойчива.

² Некоторые примеры различных категорий дарителей (главным образом по Сен-Галленскому картулярию) приведены нами в указанной выше статье: «Структура общины в Южной и Юго-Западной Германии в VIII—X веках». Сб. «Средние века», тт. IV и V, 1953 и 1954 — О критериях отнесения дарителей к разным группам и о возникающих при этом трудностях интересные соображения содержатся в монографии младшего научного сотрудника Института истории АН СССР Л. Т. Мильской «Рост светского феодального землевладения и его роль в закрепощении крестьянства в южных и юго-западных районах Каролингской Германии», где подвергнуты массовой обработке данные нескольких картуляриев.

общинников непрерывно уменьшается, а количество зависимых крестьян непрерывно растет; однако в каждый конкретный исторический момент раннефеодального периода пережитки прошлого накладывают сильный отпечаток на социальный строй всего общества в настоящем, и, в частности, наличие двух элементов в составе крестьянства придает своеобразные черты социальной физиономии всего этого класса в целом.

Эта двойственность состава раннефеодального крестьянства как класса, представляющая собой исходный пункт или начальный факт того исторического развития, которое подготовило торжество феодализма, является основной причиной относительно своеобразного характера раннефеодальных крестьянских движений¹, отличающего их от крестьянских восстаний времен развитого феодализма (XIII—XIV вв.) или разложения феодального способа производства (крестьянские войны и восстания XV—XVI вв.).

Прежде чем перейти к выяснению этого своеобразия, необходимо конкретизировать выдвинутые выше общие положения и иллюстрировать их примерами.

Обратимся к особенностям земельных дарений по разным группам источников.

II

Прежде всего очень важно установить наличие свободных общинников крестьянского типа (как разоряющихся, так и средних рядовых) в числе дарителей в VIII—IX вв., т. е. в то время, когда развитие феодализма уже сделало значительные успехи.

Капитулярии Карла Великого запрещают вынужденные земельные дарения бедных людей², перечисляют разряды тех крупных землевладельцев (епископов, аббатов, графов, фогтов и др.), которые принуждают их к этому³, и указывают конкретно применяемые ими меры принуждения — в виде разорения бедняков, отказывающихся делать дарения, путем ложных судебных исков, посредством их насильственного отправления в поход или при помощи иного рода вымогательств⁴.

Однако те же капитулярии подчеркивают, что церковные вотчинники старались подобными приемами склонить к земельным дарениям не

¹ См. статью Н. М. Ицкова «Крестьянская политика Каролингов» («Ученые записки Дагестанского пединститута», 1940, вып. 1).

² Monumenta Germaniae Historica (далее MGH). Capitularia regum francorum, t. I, ed. Boretius, Hannoverae, 1881, № 44, p. 125, anno 805, c. 16. De oppressione pauperum liberorum hominum, ut non fiant a potentioribus per aliquod malum ingenium contra iustitiam oppressi, ita ut coacti res eorum vendant aut tradant.

Русский перевод некоторых из этих капитуляриев, а также и других источников по затронутым в данном разделе вопросам см. Н. П. Грацианский. Западная Европа в средние века. Источники по социально-экономической истории, М., 1925.

³ Capitula de rebus exercitalibus in placita tractandis anno 811, c. 2 (Capitularia, t. I, ed. Boretius, № 73, p. 165): «Quod pauperes se reclamant expoliatos esse de eorum proprietate; et hoc aequaliter clamant super episcopos eorum advocatos et super comites et eorum centenarios.

⁴ Ibid., p. 165, c. 3: «Dicunt etiam, quod quicumque proprium suum episcopo, abbati vel comiti aut iudici vel centenario dare noluert, occasiones querunt super illum pauperem, quomodo eum condemnare possint et illum semper in hostem faciant ire, usque dum pauper factus volens nolens suum proprium tradat aut vendat; alii vero, qui traditionem habent, absque ullius inquietudine domi resideant»; c. 5: «Dicunt etiam alii, quod illos superiores constingant et in hostem ire faciant, et illos qui habent quod dare possint, ad propria dimittunt». Отсюда между прочим явствует, что дарения совершались не только в пользу церковных вотчинников, но и в пользу светских, хотя дошедшие до нас тексты дарственных грамот, собранных в картуляриях, фиксируют сделки исключительно с церковными землевладельцами.

возможности нести военную службу в ополчении и увеличивает рост преступности¹

Майнцский церковный собор 813 г признал несправедливыми и подлежащими исправлению случаи лишения наследства людей, родители которых сделали дарения церкви; эти люди, названные бедняками, остались без наследства именно в результате дарений, совершенных их родителями².

В источниках, относящихся к западным областям франкского государства, к территории бывшей Галлии, а также и северной Испании, где процесс феодализации начался раньше и шел быстрее, чем в восточных его областях, встречаются указания на разорение свободных крестьян уже в VII—VIII вв. Так, в некоторых сборниках юридических формул — в Вестготских формулах VII в., в формулах Маркульфа (составлены около 700 г.), в Буржских формулах (начала VIII в) и в других — имеются данные о разоряющихся свободных, получающих «*praesagia data*», а иногда, может быть, и «*praesagia oblata*», с повинностями колонов и с правом вотчинника лишить прекарриста его держания в случае неисправного несения им повинностей³

Встречаются даже и наследственные «*praesagia oblatae*» с правом сгона прекарриста⁴, некоторые держатели «*praesagia oblatae*» делают безуспешные попытки попрежнему рассматривать свое держание, которое

¹ Ср. конец главы 16 капитулярия Карла Великого от 805 г. (*Capitulare missorum in Theodonis villa datum secundum anno 805 Capitularia*, t I № 44, p 125) «ideo haec et supra (с. 15 того же капитулярия) et huc de liberis hominibus diximus, ne forte parentes contra iustitiam fiant exhereditati et regale obsequium minuatur et heredes propter indignitatem mendici vel latrones seu malefactorum efficiantur»

² *Concilium Moguntinense anno 813*, с 6 (MGH, *Concilia*, t II, *Concilia aevi Karolini*, ed Werminghol, t I, p 1, Hannoverae et Lipsiae, 1906, p 262) «placuit nobis de orphanis vel pauperibus, qui debite vel indebite dicuntur amississe hereditatem paterni vel materni iuris ad se legibus pertinentem si alicubi inventi fuerint, quos pater vel mater propter traditiones illorum exheredes fecerunt, aliorum scilicet suasionibus aut petitionibus vel aliquo ingenio omnino volumus emendare» Шалонский собор 813 г вынужден был совершенно запретить всякое принуждение к дарениям в пользу церкви См *Concilium Cabillonense anno 813*, § 6 (MGH *Concilia*, t II *Concilia aevi Karolini* t I, p 1, p 275) Между тем члены Турского собора в том же году пытались вовсе отрицать факт лишения церковными вотчинниками наследства дарителей и их потомков, понимая под этим лишь полную и окончательную утрату аллода в самый момент дарения, а не превращение его в держание, а потому неправомерно приводя в качестве опровержения этого факта получение дарителями «*praesagia remuneratoria*» и их возобновление наследниками дарителей Ср *Concilium Turonense anno 813* § 51 (MGH, *Concilia*, t II, *Concilia aevi Karolini*, t I, p 1, p 293) Запреты лишать потомков наследства в результате дарений встречаются и в более ранних источниках — варварских правдах, но эти запреты не мешали тому, что дарения все же производились См, например, Ro § 168—171, Liu § 65 *Lex Burg*, XXIV, § 5 I, I, cp LI I, LXXVIII, *Leges Visig*, IV, 5, § 1 *Lex Baiuvariorum*, I, I, II, I, VII, 4, *Lex Saxonum*, LXI, LXII (см об этом нашу статью «Понятие свободы в эдикте Ротари» Сб «Средние века», вып II, 1946)

³ MGH, *Legum sectio V, Formulae Merovingici et Karolini aevi*, ed K Zeumer, Hannoverae 1886 *Formulae Wisigothicae* № 36 p 591 «*Dominio semper meo, illi illi dum de die in diem egestatem paterer et huc illuc percurrerem ubi mihi pro compendio laborarem et minime invenirem, tunc ad dominationis vestrae pietatem cucurri, sugerens, ut mihi iure praecario in locum vestrum quod vocatur ille ad excolendum terras dare iuveres, quod et vestra dominatio. terras in praefatum locum iure praecario dare dignavit Decimas vero praestatione vel exenia, ut colonis est consuetudo, annua inlatione me promitto per solvere Quod si quae supra promissi vel modicum nisis fuero infringere, liberam habeas potestatem de supra dictas terras foris expellere»*

⁴ *Formulae Bituricensis*, № 2, (*Formulae*, ed Zeumer, 1886, p 169) В формуле идет речь о возобновлении прекарного держания отца прекарриста и при этом сказано «*si . in quibuslibet ambastis non procuraverimus cum omni oboedientia adimplere, aut hoc quod possedemus non vestrum esse dixerimus (cp Formulae Marculfi, lib II, № 41), tamquam praevosores improbos iuxta legum severitate vestris partibus componamus, et nos ipsos exinde proiecendos integrum potiamini arbitrium*

сравнительно более легких условиях, чем разобранные выше, и еще сильнее, чем они, отличающиеся от тяглых мансов, выступают и в формулах и в дарственных грамотах как типический вид прекария вообще. И там и здесь прекарий, как результат дарения, т. е. «*gruacaria oblata*», фигурирует в качестве юридической формы перехода (часто постепенного и медленно) от аллодиальной собственности к тяглому держанию, а прекарист — в качестве промежуточной социальной категории, переходной от свободного общинника-аллодиста к крепостному колону, сидящему на тяглом мансе.

Однако сказанное относится лишь к крестьянским прекариям. Между тем и в формулах и в дарственных грамотах часто встречаются кроме крестьянских дарений также и несомненные дарения и прекарии мелких вотчинников, а сверх того сомнительные случаи, когда ни объект дарения, ни его условия не позволяют отнести дарителя ни к крестьянам, ни к мелким вотчинникам. При анализе таких дарений (а они составляют добрую половину всех дарственных сделок) следует иметь в виду, что наше, теоретически совершенно правильное, представление о среднем типичном крестьянине, как о мелком производителе, ведущем трудовое хозяйство на своем наделе без всякой эксплуатации чужой рабочей силы, не всегда полностью приложимо к свободным аллодистам VII—VIII вв., вышедшим из среды общинников; судя по варварским правдам, средние рядовые свободные общинники (до их превращения в прекаристов) сами сплошь и рядом пользовались подсобной силой несвободных (сервов), а в раннефеодальный период даже могли испомещать их в качестве держателей на какие-либо участки, входившие в состав их единственного надела, продолжая при этом обрабатывать его главным образом (или в очень значительной мере) своим собственным трудом и, следовательно, не переставая от этого принадлежать к аллодистам крестьянского типа¹.

С другой стороны, собственники мелко-вотчинного типа, к которым мы обычно относим обладателей нескольких сравнительно небольших наделов в разных деревнях и притом с сидящими на некоторых из них несвободными держателями, в раннефеодальный период тоже отнюдь не обязательно происходят из среды господствующего класса: многие из них, повидимому, являются выходцами из рядов зажиточных и разбогатевших общинников. Тут-то и дает себя знать тот отмеченный выше факт, что социальному расслоению раннефеодального периода предшествовало более старинное имущественное неравенство в недрах самой общины.

На ход обоих процессов могут пролить некоторый свет варварские правды, так как они изображают, с одной стороны, зародышевые формы дарения рядовых и разоряющихся общинников, еще недоразвившиеся до стадии прекария, а с другой стороны, рисуют и более развитые виды дарственных и прекарных сделок, в том числе и такие, которые мы по формулам и грамотам относим к мелко-вотчинным дарениям.

Дарения первого типа представляют собою дарственные сделки, вступающие в силу лишь после смерти дарителя. Так, в лангобардском эдикте короля Ротари (643 г.) изложен, — повидимому, весьма распространенный, — случай земельного дарения, которое пожизненно остается не только в пользовании, но частично и в собственности дарителя и не становится его прекарным держанием; это явствует из того, что даритель не платит получателю никакого чинша и даже может сделать из состава переданного

пример, «*Urkundenbuch der Abtei St. Gallen*» hrsg. von H. Wartman, Bd. I, Zurich, 1863, № 310.

¹ Ср. по этому вопросу: А. Д. Удальцов, Свободная деревня в Западной Нейстрии, в эпоху Меровингов и Каролингов, СПб., 1912, стр. 23—24; Н. П. Г р а ц и а н с к и й, Бургундская деревня в X—XII столетиях. М.—Л., 1935, стр. 46—47.

Наряду с крестьянскими дарениями в варварских правдах, как уже было указано, фигурируют и дарения земельных владений вотчинного и в том числе мелко вотчинного типа. Так, например, Баварская правда, усиленно поощряющая дарения в пользу церкви¹, называет в качестве возможных объектов дарения не только земельные участки с несвободными, но и целые виллы², эти последние могли передаваться, конечно, лишь крупными вотчинниками. Зато к числу мелких вотчинников могли принадлежать многие из тех лиц, которые согласно Баварской правде, вели друг с другом борьбу из-за рабочей силы сервов или обедневших и впадших в зависимость свободных³, а также «снимали церковных сервов»⁴.

Эту возможность подтверждают данные Баварской правды о вступлении одних общинников в зависимость от других⁵.

Если мы перейдем от варварских правд к картуляриям (и прежде всего к картуляриям Баварии и Алемании), то мы опять-таки обнаружим среди дарителей три разных слоя: 1) мелких вотчинников (различного происхождения); 2) средних рядовых общинников, 3) разоряющихся общинников. В грамотах встречается большое количество таких дарителей, которые обладают земельной собственностью в нескольких местах и притом с несвободными и по этим признакам могут быть отнесены к числу мелких вотчинников, но которые, повидимому, произошли из зажиточных общинников.

Многие из таких дарителей, которые по составу переданных ими земельных владений являются собственниками мелко вотчинного типа, совершают земельные дарения с целью гарантировать личную свободу членам семьи дарителя или с целью освободить их от прозягающего ими, а иногда уже и начавшегося закрепощения, выражающегося в несении ими сервильных повинностей⁶. Некоторые из этих дарителей вступают при этом в неравные браки с женщинами несвободного состояния⁷. Все это вместе взятое указывает на то, что такие собственники мелко вотчинного типа по существу являются зажиточными общинниками.

Одни мелкие вотчинники, вышедшие из среды разбогатевших общинников, могут войти в состав низшего слоя господствующего класса, дру-

---

каристов и об их превращении в тяглых держателей содержат и некоторые дарственные грамоты Сен-Галленского картулярия, исходящие как раз из района действия Алеманнской правды (ср. «Urkundenbuch der Abtei St. Gallen», hrsg. von H. Wartmann, B I—II, № 181, 203, 210, 281, 287, 331, 399, 410, 467, 481). С другой стороны, сочетание методов экономического и личного закрепощения могло приводить иногда к превращению свободных общинников не в колонов, а в сервов, как об этом свидетельствует, например, Баварская правда (ср. *Lex Baiuvariorum*, I, 14), это дает, между прочим, важное указание на то, что далеко не все средневековые сервы произошли из посаженных на землю рабов.

¹ Ср. *Lex Baiuv* I 1, где прямо запрещено мешать кому бы то ни было совершать земельные дарения церкви. ср. VII, 4. Другие правды тоже поощряют дарения крупным вотчинникам и притом не только в пользу церкви, но и в пользу фиска. Ср. *Lex Saxonum*, LXII, *Nulli liceat traditionem hereditatis suae facere praeter ad ecclesiam vel regi* ср. LXI *Traditiones omnes legitime stabiles permaneat* ср. Liu, § 19, § 73, Aist, § 12.

² *Lex Baiuv*, I, 1 *et quicquid donaverit, villa, terra, mancipia vel aliqua pecunia*.

³ *Lex Baiuv*, I, 7 *et fugientem servum suum vel quem persecutus fuerit de ecclesiae per vim abstraxerit*.

⁴ *Lex Baiuv*, I, 4.

⁵ *Lex Baiuv*, II, 1; IV, 25; XIII, 3.

⁶ Ср. «Die Traditionen des Hochstifts Freising», B I, hrsg. von T. Bitterauf, München, 1905 (Quellen und Erörterungen zur bayerischen und deutschen Geschichte. Neue Folge, B IV (в дальнейшем цитируется как Freising), грамоты № 450 (821 г.) и № 489 (823 г.) *Urkundenbuch der Abtei St. Gallen*, hrsg. von H. Wartmann, B I, 1863 (цитируется как St. Gallen), грамота № 331).

⁷ Ср., например, Freising, № 450, 489. St. Gallen, № 331.

На бурно идущий процесс мобилизации земельной собственности указывают многочисленные земельные тяжбы, особенно часто встречающиеся в Фрейзингенском картулярии¹.

Нам представляется, что изложенные выше соображения относительно перегруппировок земельных владений среди разных слоев общинников до некоторой степени заполняют пробел между данными варварских правд и картуляриев и указывают основное направление процесса возникновения зависимого крестьянства. Этот процесс тесно связан с расслоением общинников и разложением свободной общины. В западной части франкского государства он был ускорен ранней феодализацией и аграрным переворотом VIII в.; в восточной части государства не только сохранились остатки свободного крестьянства, но и часть зависимого крестьянства еще долго носила следы общинного происхождения.

III

Прослеженный нами процесс формирования зависимого крестьянства как класса, а также особенности этого процесса в западнофранкских и восточногерманских областях франкского государства, предопределили и особый характер крестьянских движений VIII—IX вв.

Они сильно отличаются от крестьянских восстаний XIV—XVI вв. В этих последних разные слои крестьянства боролись против различных способов феодальной эксплуатации — как старых, выражавшихся главным образом в отработочной и продуктовой ренте, так и тех новых ее методов (денежная рента, попытки усиления сеньериального нажима на крестьянские держания), которые выросли в обстановке начинавшегося разложения феодального способа производства и возникновения в его недрах предпосылок будущего капиталистического способа производства. В общем и целом крестьяне XIV—XVI вв. страдали как от процесса развития товарно-денежных отношений, так и от недостаточности быстрого и радикального хода этого процесса, хотя различные слои крестьян и имели при этом разные интересы. Однако, несмотря на эти отличия, крестьянство в целом боролось в эту эпоху за превращение крестьянских держаний в индивидуальную трудовую собственность, а самих крестьян — в мелких свободных товаропроизводителей². К тому же и самое расслоение крестьянства XIV—XV вв. на зажиточных, средних и беднейших крестьян было вызвано процессом частичной и неполной товаризации сельского хозяйства³.

¹ Ср. Freising, № 142, 186, 258, 275, 277, 548, 585, 599 и др. В некоторых грамотах прямо делается ссылка на процедуру земельной тяжбы по Баварской правде (№ 186) и на установление границ угодий согласно этой последней (№ 548).

² В И. Ленин указывает на то, что процесс развития капитализма в чистом виде в действительности начался, например, в Англии, с режима мелких раздробленных товаропроизводителей и их индивидуальной трудовой собственности (см. В. И. Ленин Соч., т. 1, стр. 162). Конечно, они стали таковыми (даже в Англии) лишь к середине XV — началу XVI в., но борьбу за это они начали значительно раньше.

³ В некоторых странах (например, в Англии) товаризация привела, как известно, к превращению одной части зависимого крестьянства в малоземельных батраков — коттеров, а другой его части — в слой многонадельных мелких зависимых землевладельцев, которые частично эксплуатировали чужой труд и занимались арендой и перепродажей земельных участков; между ними находилась широкая масса средних виллапов. Каждый из этих слоев выступил во время восстания Уота Тайлера с разными требованиями. См. об этом Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера, изд. IV. М., 1937, а также Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в., М., 1947.

Так, в том самом капитулярии Карла Великого (от 805—806 г.), в котором запрещаются насильственные дарения бедняков, содержится и запрет «*conspirationes*» в общей форме и указывается, что в них участвовавшие как свободные люди (*liberi*), так и сервы. В том случае, когда имело место обычное соглашение, не скрепленное особой присягой, свободные его участники должны были либо очиститься клятвой с соприсяжниками от обвинения в том, что они вступили в подобное сообщество «с дурным умыслом», либо уплатить законный штраф, а сервы в случае их виновности подвергались бичеванию¹

Если же было заключено сообщество, скрепленное взаимной присягой, и в результате его деятельности совершено какое либо «зло», то зачинщики подлежат смертной казни, а их помощники должны сами подвергнуться друг друга различного рода телесным наказаниям и частичному изуродованию (бичеванию, вырыванию волос и ноздрей)²

Любопытно, что те же самые жестокие кары налагаются на членов сообщества, скрепленного присягой, даже и в тех случаях, когда они не совершили никаких «злоступных» поступков³, т е никаких действий, направленных либо против государственной власти и ее агентов, либо против отдельных феодалов⁴. Это указывает на стремление королевской власти совершенно искоренить всякого рода «сообщества» (в первую голову скрепленные присягой, но также и все остальные), независимо от реальных последствий их деятельности. Справедливость этого вывода подтверждают как распоряжения Карла Великого⁵, так и относящийся к Италии капитулярный Людовика Благочестивого от 822—823 г. Последний категорически запрещает всякие «союзы» и «сотоварищества», основанные на взаимном обязательстве их членов, независимо от того, скреплены ли они присягой⁶, и предписывает при этом высылать зачинщиков на о. Корсику, а с остальных участников взыскивать королевский банн. Характерно, что согласно этому капитулярию те лица, которые не в состоянии уплатить сумму банна, подвергаются телесному наказанию

---

¹ MGH *Capitularia*, № 44, p 124 *Capitulare missorum in Theodoni villa datum secundum generale*, c 10 «*Si vero per dextras aliqua conspiratio firmata fuerit, si liberi sunt aut iurent cum idoneis iuratoribus hoc pro malo non fecisse aut, si facere non potuerint, suam legem conponant, si vero servi sunt, flagellentur*» В с 15—16 того же капитулярия содержится запрет разорения и угнетения бедняков

² MGH *Capitularia*, t I, № 44, c 10 «*adutores vero eorum alter ab altero flagellentur et nares sibi invicem praecidant et capillos sibi vicissim detundant*» «*auctores facti interfutientur*» Содержание § 10 капитулярия 805—806 г в точности воспроизведено в собрании капитуляриев Анзегиса (*Ansegis Capitularia* I III, c 9, *Capitularia* t I, ed Boretius, p 426).

³ MGH *Capitularia*, t I, № 44, c 10 *Ubi vero nihil mali perpetratum est, similiter quidam inter se flagellentur et capillos sibi vicissim detundant*

⁴ Такие выступления крестьян против агентов королевской власти имели место, как это видно из распоряжения, включенного в собрание капитуляриев Анзегиса и карающего телесным наказанием сервов, участников вооруженного нападения на государя посланца, на первом месте в числе участников нападения фигурируют свободные вооруженные люди, которые караются смертью, либо уплатой банна. Ср *Ansegis Capitularia*, I III, c 64 (*Capitularia*, t I, ed Boretius, p 431—432) *Si quis super missum dominicum cum collecta et armis venerit de vita conponat et pro eo quod cum collecta manu missum dominicum armatus venit ad resistendum bannum dominicum conponant Simili modo dominus imperator de suis vassis iudicavit Et si servus hoc fecerit disciplina corporali subiaceat*

⁵ *Capitularia*, t I, ed Boretius, № 44, p 124, anno 805—806, c 10 «*Et ut de caetero in regno nostro, nulla huiusmodi conspiratio fuit, nec per sacramentum, nec sine sacramento*»

⁶ *Capitularia*, t I, № 158, p. 318 *Memoria Olonnae comitibus data, anno 822—823*, c 4 «*Volumus de obligationibus, ut nullus homo per sacramentum nec per aliam obligationem adunationes faciat*».

ростом преступности как последствием разорения значительной части свободного крестьянства: весьма возможно, что под преступниками, учиняющими «зло» («malefactores»), он имел в виду не только разбойников (latrones), но и «заговорщиков», бравших на себя взаимные обязательства. Таким образом, в то время как одни свободные крестьяне западнофранкских областей превращались в держателей-прекаристов (зачиточные крестьяне — на сравнительно льготных, разоряющиеся — на более тяжелых и невыгодных условиях), а другие теряли свободу и становились сервами или колонами (в обоих случаях — держателями тяглых мансов), часть разоряющихся свободных, а также и закрепощенных крестьян пыталась избавиться от феодальной эксплуатации путем активного сопротивления¹.

Как видим, сопротивление крестьян сурово подавлялось как агентами государственной власти, так и частными феодалами («domini servorum»). Победоносным это крестьянское движение быть не могло, во-первых, потому, что состояло из отдельных разрозненных вспышек, а во вторых, — и главным образом — потому, что оно само было проявлением таких форм классовой борьбы разных слоев крестьянства (организация «заговоров» и «сообществ»), которые были возможны в обстановке уже восторжествовавшего, но далеко еще не завершившегося в своем развитии феодального строя.

Дальнейшая его эволюция привела к завершению феодального способа производства и к закрепощению остатков свободного крестьянства.

Однако крестьянские восстания эпохи раннего феодализма в западнофранкских областях (требования и лозунги которых нам неизвестны) сыграли прогрессивную роль как попытка крестьянского сопротивления начавшейся и все усиливавшейся феодальной эксплуатации (Энгельс)

Сложнее оценка исторической роли самого крупного из крестьянских движений каролингского периода — так называемого восстания Стеллинга в Саксонии, носившего своеобразный характер, обусловленный особенностями исторического развития Саксонии в VI—VIII вв.

В IX в. саксонское крестьянство, несмотря на бурный рост крупного — церковного и светского — феодального землевладения после франкского завоевания Саксонии, все еще состояло в значительной мере из бывших равноправных членов племен и общин, входивших в конфедерацию областей², составлявшую весь народ саксов в целом. Это те «фрилинги»,

---

¹ Ф. Энгельс приводит еще один мотив крестьянских выступлений VIII—IX вв. — недовольство оскорбительным пренебрежением правами свободного человека: «телесные наказания, которые получали даже колонны (капитулярии 853, 861, 873 гг.), воспринимались еще как оскорбление, а не как нечто, само собою разумеющееся» (Ф. Энгельс Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 411). Данные о крестьянских выступлениях, происходивших в течение всего IX в. содержатся и во многих других каролингских капитуляриях. См. *Capitularia regum francorum*, t. II, ed. Krause. Hannoverae, 1890, № 192, p. 16, anno 829, c. 10; № 202, p. 65, anno 832, c. 12, № 242, I, p. 156, anno 860, c. 8, № 242, II, p. 158, anno 860, c. 7, № 260, p. 272, anno 853, c. 3; № 248, p. 177, anno 847, c. 5; № 270, p. 299—301, anno 860, c. 6—7, № 272, p. 309, anno 862, c. 4; № 287, p. 375, anno 884, c. 14.

Во всех капитуляриях второй половины IX в. крестьянские выступления обозначаются обычными терминами: «conspirationes», «conjugationes» и пр., за исключением двух (№ 260, c. 3 и № 272, c. 4), где речь идет о вооруженных выступлениях, называемых германским словом «hegizur», и еще одного (№ 287, c. 14), где они обозначены германским же словом «gelda». Ср. также сообщение Фульдских Анналов о восстании зависимых людей (homines) Майнцского епископства в 848 и 866 гг. (*Annales Fulden ses* MGH, Scriptorum, t. I, p. 365, 379).

² Ср. ход мыслей Энгельса по этому вопросу (см. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 391).

любых условиях) и есть тот решающий шаг, который превращает *свободного* мелкого производителя материальных благ — собственника земли (как основного условия производства) и плодов своего труда, в зависимого мелкого производителя, лишенного собственности на свой земельный участок и сохранившего лишь пользование им, а потому вынужденного отдавать часть прибавочного труда или прибавочного продукта собственнику земли — вотчиннику.

Массовая утеря общинниками их аллодов и приводит к возникновению целой системы зависимых мелких крестьянских хозяйств, эксплуатируемых крупными земельными собственниками, вместо прежней совокупности свободных мелких хозяйств, объединенных в независимые общины типа «марки».

Формы и способы этой утраты свободными общинниками их аллодов могут быть опять-таки весьма различны; но среди многочисленных сделок, в которые облекается этот акт (дарение, продажа, залог, обмен и др.), особый интерес исследователя, естественно, вызывают дарения земельных участков в пользу крупных, большей частью церковных, вотчинников. Они приковывают к себе внимание не только в силу своего массового характера и обилия дарственных грамот, но и потому, что знаменуют самый момент превращения аллода в держание и тем самым позволяют, казалось бы, уловить самую суть этого процесса, особенно в тех случаях, когда грамоты содержат данные об условиях превращения переданного в силу дарения земельного участка в прекарное держание дарителя (бывшего аллодиста).

Однако выявление сущности указанного процесса сильно затрудняется тем, что данные наших источников о социальном составе основной массы дарителей весьма противоречивы и часто недостаточны ясны (несмотря на обилие этих данных). Различные группы источников дают *разное* представление о социальном составе дарителей, точное установление которого чрезвычайно важно для решения вопроса, какие же слои аллодистов превращаются в держателей крупных вотчинников. Особенно резкое противоречие в этом отношении имеется между показаниями варварских правд VI—IX вв. и сборников дарственных грамот VIII—X вв. (картуляриев). В целом ряде правд из разных областей тогдашней Западной Европы (в лангобардском эдикте Ротари 643 г., в Саксонской правде 802 г., в Баварской правде начала VIII в. и др.) в качестве дарителей выступают не только мелкие светские землевладельцы и зажиточные общинники, но и разорившиеся общинники-бедняки (не говоря уже о средних рядовых общинниках). Между тем в картуляриях основная масса дарителей состоит главным образом из зажиточных аллодистов, нередко эксплуатирующих труд несвободных, хотя бы и в сравнительно небольшом размере (конечно, если оставить в стороне легко поддающуюся выделению группу более или менее крупных светских вотчинников, вступающих при помощи дарений в сделку с крупными церковными вотчинниками).

При попытке объяснить это противоречие необходимо иметь в виду также и особенности названных групп источников: варварские правды отражают более раннюю стадию развития, чем картулярии (иногда независимо от времени записи правд); к тому же они содержат лишь скудные упоминания о дарениях, сформулированные в виде общих норм обычного права, но редко описывают подробно сущность сделки¹ и никогда не дают представления о конкретных дарителях; зато они указывают социальное и имущественное положение дарителей в тех типических случаях

¹ Одно из исключений составляет раскрытие сущности дарения в § 173 эдикта Ротари.

Отсюда следует, что противоречие между разными группами источников в вопросе о социальном составе дарителей отражает перегруппировки в составе самого крестьянства, т. е. основной массы общинников-аллодистов.

Уже варварские правды отмечают наличие имущественного расслоения внутри общины, причем расслоения двоякого рода. С одной стороны, это — первичное неравенство, уходящее своими корнями в дофеодалное прошлое, т. е. свойственное последней стадии первобытно-общинного строя¹. Оно отражено в ранних и наиболее архаических варварских правдах (например, в Салической правде) и само по себе еще не приводит к утере общинниками их аллодов и свободы, хотя и может подготовить эту утрату. С другой стороны, к нему присоединяется расслоение раннефеодалного характера, приводящее к зависимости бедных общинников от более зажиточных и от вотчинников. Это явление зафиксировано в тех варварских правдах, которые свидетельствуют о начавшемся процессе феодализации (как, например Алеманнская и Баварская правда), но главным образом в других памятниках раннефеодалного периода (формулах, картуляриях и т. п.).

Для того чтобы понять, какие изменения вносит начинающийся процесс феодализации в прежнее имущественное расслоение в среде свободных общинников, надо не только изучить структуру общины и ход этого первичного (или раннего) расслоения², но и попытаться как можно отчетливее представить себе природу крестьянства раннефеодалного периода как класса. В вопрос об особенностях раннефеодалного крестьянства и упираются все кратко намеченные выше затруднения и противоречия.

Совершенно очевидно, что до тех пор, пока процесс феодализации не привел к втягиванию в зависимость от крупных вотчинников некоторой, более или менее значительной, части свободных общинников, эти последние еще не составляют класс крестьянства, хотя и ведут крестьянский образ жизни. Это скорее «трудящиеся субъекты» по терминологии Маркса³, ибо они в массе еще не подвергаются эксплуатации со стороны противостоящего им класса крупных земельных собственников, который еще только складывается.

Крестьянство, как класс феодалного общества, начинает складываться именно в раннефеодалный период; однако в этот период оно состоит не только из зависимых крестьян, но и из свободных общинников-аллодистов, в свою очередь все более и более расслаивающихся на зажиточных, средних рядовых и разоряющихся общинников. Представители каждой из этих групп в разное время и с различными последствиями совершают земельные дарения; но крестьянство в целом в течение раннефеодалного периода еще долгое время (во Франции до IX в., а в некоторых областях Германии до X и даже до XI в.) продолжает состоять как бы из двух различных элементов: одних — уходящих своими корнями в прошлое и других — превращающихся в непосредственных производителей будущего феодалного общества. Конечно, число свободных

¹ Этот термин не совсем подходит сюда, так как здесь налицо общинный строй уже без первобытности, но мы пользуемся им за неимением лучшего (см. об этом нашу статью «К вопросу о первом этапе возникновения зависимого крестьянства, как класса». Сб. «Средние века», том VI).

² Эту задачу мы стремились выполнить в подготовленной нами к печати монографии «Возникновение зависимого крестьянства как класса в раннефеодалных государствах Западной Европы VI—VIII вв.».

³ См. К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 5—6, 16—17, 29.

только бедняков, но и более зажиточных людей, лишая тем самым дарителей их законного наследства¹

Наряду с людьми, которые хотя и становятся жертвами этих приемов, но поддаются им не сразу и совершают вынужденные дарения лишь после разорения, упоминаются и такие, которые по первому требованию делают дарения² и тем самым избавляются от дальнейших вымогательств ценного превращения своего аллода в держание, но и у первых даже после разорения все же остается какая-то часть их бывшего надела, которую они в состоянии передать в качестве объекта дарения или продажи

Вместе с тем кроме дарений, вынужденных прямыми или косвенными актами насилия, и в капитуляриях часто фигурируют дарения, вынужденные самим ходом экономического развития и облекающиеся в форму двусторонней сделки дарителя с получателем (в капитуляриях такие дарения составляют большинство) при предоставлении дарителю права прекарного пользования подаренным участком. В капитуляриях встречаются не только «*res sacrae oblatae*» свободных людей³, — повидимому, собственников крестьянского типа, — но и прямые указания на то, что дети и родственники дарителей сопротивляются дарениям из опасения потерять наследство, причем под утерей наследства можно разуметь утрату собственности на землю в силу превращения подаренного аллодиального участка в прекарное держание⁴

Вопросу о лишении дарителей наследства уделяется особое внимание как в капитуляриях⁵, так и в постановлениях церковных соборов

Капитулярии прямо мотивируют запреты оставлять дарителей и вообще свободных людей без наследства тем, что это лишает их

---

¹ MGH, *Capitularia*, t I, ed Boretius, p 163 № 72, *Capitula de causis cum episcopis et abbatibus tractandis anno 811*, c 5 et sub nomine dei aut cuiuslibet sancti tam divitem quam pauperem sic rebus suis expolant et legitimos heredes eorum exheredant

² Ср., например, *Capitula de rebus exercitabilibus*, anno 811, c 3, 5 (*Capitularia*, t I, № 73 p 165)

³ *Capitularia* t I, ed Boretius, p 330, № 165 *Capitulare Olonense Mundanum anno 825* c 2 «*Placet nobis ut liberi homines, qui non propter paupertatem sed ob vitandam republicae utilitatem fraudolenter ac ingenio res suas ecclesiis delegant easque denuo sub census utendas recipiunt, ut, quousque ipsas res possident, hostem et reliquas publicas funciones faciant*» Из этого постановления опять таки явствует, что дарения совершали не только бедняки, но и свободные люди средней степени зажиточности, которые старались избежать таким способом обременительной для них службы в военном ополчении. Такими людьми могли быть только свободные аллодисты крестьянского типа. Правда, этот капитулярный относится к Италии, но факт земельных дарений среднезажиточным крестьян подтверждается данными и других капитуляриев. Ср., например, приведенное выше постановление капитулярия Карла Великого от 811 г

⁴ Ср., например, капитулярный Людовика Благочестивого от 818—819 г *Capitulare ecclesiasticum*, c 7 (*Capitularia* t I, № 138 p 277) «*Statutum est, ut nullus quilibet ecclesiasticus ab his personis res deinceps accipere praesumat, quarum liberi ac propinqui hac inconsulta oblatione possent rerum propriarum exheridari. Quod si aliquis deinceps hoc facere temptaverit, ut et acceptor sinodali vel imperiali sententia districte feriatur et res ad exheredatos redeant*» Впрочем, «под лишением наследства иногда разумеется и полная утеря аллода, как это явствует из ссылок некоторых капитуляриев на то, что люди, оставшиеся без наследства, занимаются разбоем и воровством. Ср., например, *Capitula de causis cum episcopis et abbatibus tractandis anno 811*, c 5 (*Capitularia*, t I, № 72 p 163) *heredes eorum exheredant et par hoc plerosque ad flagitia et scelera propter inopiam perpetranda compellunt* Ср также *Capitulare missorum in Theodoni villa datum secundum anno 805*, c 16 (*Capitularia*, t I, № 44, p 125) (текст приведен ниже)

⁵ *Capitulare missorum in Theodoni villa datum secundum anno 805*, c 16 *Capitula de causis cum episcopis et abbatibus tractandis anno 811*, c 5 «*ut quasi necessario furta et latrocinia exercent cui paternarum hereditas, ne ad eum perveniret, ab alio praerepta est*», ср *Capitulare ecclesiasticum*, 818—919, c 7 О росте власти вотчинников по капитуляриям см В В Терешкович Рост частной власти по капитуляриям франкских королей ЖМНП, март 1912

до акта дарения было их аллодом, как свою полную собственность; за это они наказываются превращением их в колонов — опять-таки с правом сгона с земли за неисполнение повинностей¹.

И то и другое свидетельствует о том, что эти прекарисы (или их родители) в то время, когда они совершали дарения, не принадлежали к числу зажиточных аллодистов, другими словами, что в VII—VIII вв. дарителями могли быть и малосостоятельные собственники несомненно крестьянского типа, которые в результате дарения и его обратного получения в прекарий теряли не только аллодиальную собственность, но частично и свою личную свободу (т. е. либо они сами, либо их дети становились колонами)². О том же свидетельствуют и те формулы, в которых на прекарисов возлагается барщина хоть в сколько-нибудь значительных размерах (до двух-трех недель в год — в отличие от держателей тяглых мансов, которые несли барщину три дня в неделю).

Все отмеченные выше явления очень важны тем, что наглядно показывают наличие несомненных крестьян среди дарителей VII—IX вв.³

Однако при оценке удельного веса этих явлений следует твердо помнить, что дарения бедняков, превращающихся в колонов на барщине с правом сгона, встречаются в формулах редко. В большинстве формул прекарисы вместо повинностей колонов несут фиксированные (иногда небольшие) натуральные и денежные чинши, их барщина ограничивается (как и в дарственных грамотах) тремя днями в году, а в случае невзноса чинша вотчинник либо повышает его, либо требует с прекариса выдачи обязательства в уплате, но не имеет права сгонять прекариса с земли⁴. Подобные прекарные держания, получаемые дарителями на

¹ Formulae Marculfi, lib 11, № 41 (Formulae, ed K Zeumer, Hannoverae, 1886, p 100) Эта формула имеет характерное заглавие *Si aliquis rem alterius, quam excolit, ad proprietate sacre vult et non potest et postea eam precaverit* формулы ясно, что прекарис — еще до заключения изложенной в ней сделки — был согнан с земли, которую он обрабатывал и считал своей собственностью, в то время как господин считал, что она принадлежит ему, и обвинял прекариса в захвате владений господина, повидному, эта земля была раньше аллодом дарителя, превращенным в «*gravesaria oblata*». Получая ее, согласно данной формуле, вторично в прекарий, прекарис дает следующее обязательство: *Quicquid reliqui accolani vestri faciunt, nos reddere spondimus, quod si non feceremus, de ipsa terra nos ponteficum habeatis sciendum* Ср начало той же формулы Marculfi Formulae, lib. II, № 41 (Formulae, p 100) «*Dum pro malorum hominum consilium, quod non debueram, de terra vestra in loco noncupante illo, quem excolere videor revellare conavi et ipsa terra ad proprietate sacre volui et non potui et vos nobis, exinde eiecistis*» Остальное содержание этой формулы см выше

² Подобная утрата свободы (полная или частичная) потомками прекарисов зафиксирована и в полиптиках IX в. Ср Polyptique de l'abbaye de Saint Germain de Près, publié par L. Longnon, Paris, 1886, IX Breve de Villamit, § 268, согласно которому часть детей и внуков некоего дарителя Мило уже стали людьми св. Германа, а другие еще не сделались таковыми. Ср также перемещение потомков дарителя Танкулфа на земельный участок, подаренный другим лицом (IX, § 265—266) Ср гл XIII того же полиптика

³ Весьма существенно также, что формулы ясно указывают на крестьянские дарения по грамотам, а не на устные сделки, которые могли и не фиксироваться.

⁴ «*Additamentae e codicibus Formularum Turonensium*», № 3 (Formulae, p 160) *Unde consisti te a nobis annis singulis argentum solidos tantos, et si de ipso censo neglegens aparueris, fidem exinde facias et ipsas res perdere non debeas* Правда, у этого прекариса имелась и аллодиальная и приобретенная собственность и притом с несвободными, так что он был, повидному, зажиточным человеком Formulae Salicae Bignonianaе, № 22 (Formulae p 236) *Et si negligens aut tardus ad eo placito de ipso censo fueris, fidem exinde pro hoc nobis facias et ipsam rem ad viventium tuum per nostro beneficio leneas*, формулы с выдачей обязательства см также Formulae Salicae Merkelianaе, № 35, 36 (Formulae, p 255) О случаях повышения чинша см статью Н П Грацианского «*Traditiones*» Каролингской эпохи в освещении Доппа», «Труды Института истории РАНИОН», т I, 1926, стр 227—228 Надо, впрочем, иметь в виду, что повышение чинша в случае его невзноса встречается чаще в грамотах, чем в формулах. Ср., на

им объекта новые дарения и отчуждения в пользу третьих лиц, если получатель откажет ему в материальной помощи¹. Расчет на подобную помощь, которая, очевидно, была необходима дарителю для продолжения его хозяйства, и являлся основным стимулом такого рода дарения, как это видно и из эдикта Ротари, и из Саксонской правды, прямо заявляющей об этом². Хотя лангобардский даритель, упомянутый в эдикте Ротари, отнюдь не может считаться очень состоятельным человеком и скорее всего принадлежит к числу рядовых общинников, но таких, которым уже угрожает перспектива разорения, тем не менее в числе объектов его дарения названа земля с несвободными (*mancipia*) или без них³. Это является существенным указанием на то, что и у рядовых свободных аллодистов могли быть рабы и притом даже сидящие на земельных участках.

В отличие от этого в Саксонской правде прямо имеется в виду бедняк, которого нужда и голод заставляют совершать дарения, приводящие к лишению его потомков наследства; бедняку разрешаются даже и дарения с такими последствиями, между тем как во всех других случаях они запрещаются, за исключением дарений в пользу церкви и королевского фиска⁴. Последняя оговорка указывает на то, что дарственные сделки, вызванные расчетом на материальную помощь со стороны получателя, могли происходить и между двумя общинниками разной степени зажиточности или между общинником и мелким светским вотчинником⁵. Да и вообще кроме дарений церкви и королю имели место и другие дарственные акты, приводившие к лишению потомков наследства, т. е. повидимому, дарения в пользу светских вотчинников. О дарениях бедняков, а с другой стороны, и средних общинников, свидетельствует также и Баварская правда⁶. В тех случаях, когда рядовые или разоряющиеся общинники производят дарения в пользу церкви или короля, они могут иногда стать церковными или королевскими колонами со свойственными им повинностями, несмотря на сохранение за ними вергельда свободного человека. Последняя оговорка указывает на то, что, например, «свободные алеманны, которых зовут колонами», а также «свободные люди церкви» у алеманнов, несущие повинности колонов, произошли именно таким образом, а не путем личного их закрепощения⁷.

¹ Ro § 173 «Et si tales si evenerit necessitas, ut terra cum mancipia aut sine mancipia vendere aut locum pigneris ponere debeat, dicat prius illi cui thingavi: «ecce vedis quia necessitate compulsus res istas vado dare, si tibi vedetur, subveni mihi et res istas conservo in tuam proprietatem». Более подробный разбор дарений по лангобардскому обычному праву см. в нашей статье «Понятие свободы в эдикте Ротари». Сб «Средние века», вып II, 1946, стр 98—103.

² Lex Saxonum, LXII «. ut ab illo qui hoc acceperit, sustentetur »

³ Ro. § 173: terra cum mancipia.

⁴ Lex Saxonum, LXII. «Nulli liceat traditionem hereditatis suae facere praeter ad ecclesiam vel regi, ut heredem suum exheredem faciat, nisi forte famis necessitate coactus, ut ab illo qui hoc acceperit sustentetur» Этот запрет не распространяется на несвободных как объект дарения (*mancipia* liceat illi dare ac vendere) — новое указание на возможность их наличия и у рядовых общинников

⁵ Такое же впечатление производит и вся обстановка дарения, описанного в § 173 эдикта Ротари.

⁶ Lex Bajuvariorum, VII, 4: «. quamvis pauper sit, tamen libertatem suam non perdat, nec hereditatem suam nisi ex spontanea voluntate alicui tradere voluerit ». Ср упоминание дарения в XVI, 17, где изображена тяжба между двумя общинниками средней степени зажиточности из-за проданного или подаренного земельного участка.

⁷ Ср Leges Alamannorum, XXII «De liberis autem ecclesiasticis, quos colonos vocant, omnes, sicut et coloni regis, ita reddant ad ecclesiam», Leges Alam., VIII: «Si quis autem liberum ecclesiae, quem colonus vocant, occisi fuerint, sicut alii Alamanni ita conoponant». Вспомним данные формул о некоторых дарителях-прекаристах, которые несут повинности колонов. Указания на возможность частичной утраты свободы наследниками пре-

гие, наоборот, постепенно растеряв свои аллодиальные владения, превращаются в свободных прекаристов церковной вотчины, которые, однако, продолжают эксплуатировать зависимых от них людей¹.

С другой стороны, в качестве дарителей в баварских и алеманнских картуляриях выступают и средние рядовые общинники, которые тоже нередко стремятся посредством дарений либо сохранить личную свободу членов своей семьи, либо добиться свободы для тех из них, которые уже впали в зависимость².

В фрейзингенских и пассауских грамотах широкая масса общинников фигурирует в качестве жителей данного округа (pagenses), присутствующих при заключении разного рода поземельных сделок³. Иногда они обозначаются при помощи термина «nobilis», который имеет в грамотах весьма различный смысл и может применяться отнюдь не только к членам господствующего класса, но и к мелким вотчинникам, к зажиточным общинникам и просто к старосвободным (в отличие от зависимых)⁴. Фрейзингенские дарители часто являются совладельцами леса и прочих обычных угодий совместно с другими жителями округа⁵, и их иногда обозначают такими терминами, как «conpaganii», «calaspei», которые указывают на общинный характер их совладения⁶.

Наличие разоряющихся общинников в Баварии и Алеманнии VIII—IX вв. засвидетельствовано как фактом начинающегося закрепощения отдельных членов семьи свободных дарителей, так и такими случаями, когда дарения предпринимаются с целью обеспечить материальное положение семьи дарителя⁷.

---

¹ Яркую иллюстрацию этой второй возможности дает история семьи одного из фрейзингенских дарителей — некоего Изангарта (Isanhart). В конце VIII в. (в 776 г.) он имел мелковотчинные земельные владения в четырех населенных пунктах с несвободными как дворовыми, так и сидящими на тяглых наделах (colonica). Однако уже через 60 лет после сделанного им дарения его внуки успели растерять все свои наследственные владения, кроме трех зависевших от них держаний (colonica), которые стали предметом тяжбы между ними и епископом. Тяжбу они проиграли, и епископ вернул им эти земельные участки в прекарное пользование, «во внимание к их бедности», как выражается грамота («consuluit paupertati eorum»). Ср. Freising, № 75 (776 г.), № 200 (805—809 гг.), № 626 (837 г.). Ссылку на «бедность» (в № 626) в данном случае нельзя, конечно, понимать буквально: она указывает лишь на утерю внуками Изангарта большей части (но не всех) земельных владений их деда.

² Ср. St. Gallen, B. II, № 754 (от 908 г.); II, № 447 (от 856 г.). Подробнее об этом см. в нашей статье «Структура общины в Южной и Юго-Западной Германии в VIII—X вв.». Сб. «Средние века», вып. IV, 1953; вып. V, 1954. Ср. также Freising, грамота № 402 (от 818 г.), из содержания которой явствует, что дарение одной половины владений общинника угрожает судьбе другой, особенно при неравных браках потомка дарителя (в данном случае его дочь вышла замуж за бывшего свободного, превращенного монастырем в серва, несмотря на его упорное сопротивление).

³ Ср. Freising, № 738 (855 г.), № 805 (857—864 гг.), № 933 (876—880 гг.), № 951 (876—883 гг.) и мн. др. Ср. также «Traditionen des Hochstifts Passau», hrsg. von M. Heuwieser, München, 1930 («Quellen und Erörterungen zur bayerischen Geschichte», Bd. VI) (цитируется в дальнейшем как Passau), № 68 (от 818 г.), № 76 (от 821 г.) и др.

⁴ Ср. Freising, № 627 (837 г.), № 638 (841 г.), № 664 (844 г.) и мн. др. (нобили как «мелкие вотчинники»); Freising, № 830 (875 г.), № 886 (от 860—875 г.), № 918 (875—876 г.) и др. (нобили — рядовые свободные общинники).

⁵ Freising, № 805, 918, 933, 951, 1033.

⁶ Ср., например, Freising, № 142 (791 г.).

⁷ Ср. Freising, № 637 (840 г.), а также № 741 (853 г.); во второй из этих грамот даритель по объекту дарения — бывший зажиточный общинник, но он не может продолжать свое хозяйство на его прежнем уровне и удержать в своих руках свои владения, а потому передает их частично монастырю на том условии, чтобы его жена получила их в пожизненное держание и была этим обеспечена.

Словом, в поздних крестьянских восстаниях крестьяне выступали против той системы эксплуатации, которая была характерна для новой — более поздней — стадии феодализма¹.

Между тем крестьянские движения VIII—IX вв. направлены против самого установления феодального способа производства. К тому же крестьяне VIII—IX вв., — как свободные, так и зависимые, — все еще продолжали оставаться членами общины — марки, которая, несмотря на рост имущественного неравенства в ее среде и на частичное ее закрепощение, все еще сохранялась как производственная организация. Таким образом, участники крестьянских движений VIII—IX вв. не были совершенно разрозненными непосредственными производителями, хотя степень этой разрозненности была значительнее в западной, чем в восточной части франкского государства. Это объясняется тем, что в западных его областях большее число общинников, чем в восточных, успело к этому времени превратиться в зависимых крестьян, причем часто члены разных общин, т. е. жители различных деревень, вступали в зависимость от разных вотчинников.

Вообще при анализе крестьянских движений VIII—IX вв. нужно различать проявления крестьянского сопротивления в западной и восточной половине франкского государства.

На западе в это время разворачивается борьба складывающегося класса крестьянства (как свободных, так и зависимых его членов) против бурно идущего процесса закрепощения².

Между тем на востоке, и в частности в наиболее архаической и отсталой из германских областей, а именно в Саксонии³, — участниками восстания являются в значительной мере как раз «трудящиеся субъекты», т. е. свободные общинники, которые еще не успели превратиться в класс зависимых крестьян и которые, в союзе с полусвободным слоем старого, дофеодального саксонского общества — литами, подняли восстание против попытки навязать им феодализм.

В капитуляриях Карла Великого и Людовика Благочестивого (с 70-х годов VIII в. до середины IX в.), относящихся главным образом к территории будущей Франции и отчасти Италии, постоянно упоминаются «тайные сообщества» и «заговоры, скрепляемые присягой» (*gildones, conjuraciones, conspiraciones, adunaciones, obligationes*)⁵.

В некоторых из этих памятников содержатся более или менее подробные сведения об участниках и характере этих организаций, а также и о наказаниях за участие в них

---

¹ В некоторых странах Западной Европы XIV—XV вв. (например, во Франции) крестьяне выступали и против принудительного их освобождения, так как оно сводилось к увеличению денежной ренты, нередко при сохранении прежних повинностей, что ложилось непосильным бременем на плечи среднего слоя крестьянства. В других странах (например, в Англии) происходила замена отработочной ренты денежной, а по этому коммутация (конечно, при условии установления определенной высоты денежной ренты) была там, наоборот, одним из требований не только зажиточного, но и среднего крестьянства.

² Вспомним, что переворот в поземельных отношениях падает как раз на VIII в. (ср. Ф. Энгельс Франкский период. К Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XVI, ч. 1)

³ Источники дают материал именно о Саксонии, где разыгралось крупнейшее восстание каролингского периода.

⁴ Ср. Ф. Энгельс Крестьянская война в Германии, 1952, стр. 54

⁵ *MGN Capitularia regum francorum*, t. I, ed. Boretius, Hannoverae, 1883, № 20, p. 51, anno 779, c. 16, № 23, p. 64, anno 789, c. 25—26, № 28, p. 77, anno 794, c. 31 (по становления франкфуртского синода, созванного Карлом Великим), № 44 p. 124, anno 805—806, c. 10, № 148, p. 301, anno 821, c. 7; № 158, p. 318, anno 822—823, c. 4 и др.

и получают 60 ударов¹. Это прямо указывает на разорение части свободных и на понижение их социального статуса, верным признаком и проявлением чего следует считать применение телесных наказаний к свободным людям.

В других местностях западнофранкского государства участниками «союзов», «сообществ» и «заговоров» были как раз наоборот — не свободные, а сервы. Так, капитулярий Людовика Благочестивого от 821 г. прямо запрещает именно «заговоры сервов» (*coniurationes seruorum*), происшедшие во Фландрии, Менписко и в других приморских местах, и возлагает ответственность за них на господ этих сервов, т. е. на вотчинников; эти последние обязаны умирять сервов мерами принуждения, а в случае повторения «*coniuratio*» должны уплатить банн в размере 60 солидов².

Указание на умирение сервов и на возможность повторных «*coniurationes*» создает такое впечатление, что в данном тексте речь идет не только о «заговорах», но и о настоящих восстаниях сервов во Фландрии и прочих приморских местностях. Повидимому, и в тех капитуляриях, которые предусматривают возможное «зло», причиняемое участниками «сообществ» и «союзов», под этим «злом» тоже конкретно подразумеваются реальные антифеодалные выступления крестьян, с тою лишь разницей, что их участниками были не только сервы, но и свободные. Эти последние играли, повидимому, весьма значительную, а может быть, и решающую роль в классовой борьбе западнофранкского крестьянства конца VIII — начала IX в., тем более что и многие сервы еще сравнительно недавно произошли из свободных³.

Если мы сопоставим данные капитуляриев о тех крестьянских заговорах и выступлениях, в которых принимали участие свободные крестьяне, с данными тех же памятников о разорении части свободных, то увидим, что это разорение было общей причиной как насильственных земельных дарений, так и восстаний⁴. Если одни разорявшиеся свободные совершали вынужденные дарения, а других графы насильственно отправляли в поход, где их разорение довершалось, то находились и такие, которые предпочитали активное сопротивление пассивному вступлению в экономическую или личную зависимость в той или иной ее форме. Недаром Карл Великий проявляет в своих капитуляриях такую озабоченность

¹ *Capitularia*, t. I, № 158, p. 138. с. 4. Ср. данные одного капитулярия из собрания Анзегиса о человеке, который не способен уплатить воинский банн (*heribannus*), а потому передает себя вместо залога и вступает в зависимость (*semetipsum wadio in seruitium principis tradat*). См. *Capitularia*, t. I, p. 432, *Ansegis Capitularia*, lib. III, c. 67. Подобные данные встречаются и в других капитуляриях.

² *Capitularia*, t. I, № 148, p. 301, *Capitula missorum*, anno 821, c. 7: «...De coniurationibus seruorum quae fiunt in Flandris et Menpisco et in ceteris maritimis locis, volumus ut per missos nostros iudicetur dominis seruorum illorum, ut constringant eos ne ultra tales coniurationes facere praesumant...». Это предписание целиком вошло в собрание Анзегиса: *Ansegis Capitularia*, lib. V, c. 7 (*Capitularia*, t. I, ed. Boretius, p. 437). Имеются также данные о крестьянских восстаниях в Реймском епископстве. Ср. *Hincmari Vita Remigii* ed. V. Krusch (*Scriptores Rerum Merovingicarum*, t. III).

³ На это указывает Ф. Энгельс в своей работе «Франкский период» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 411): «Но эти несвободные частью сами раньше еще были свободными, частью были детьми свободных; в наследственном рабстве на протяжении трех или более поколений жило незначительное меньшинство...». «...Рабство (т. е. крепостная зависимость сервов.— А. Н.) было им еще непривычно...».

⁴ Интересно сопоставить с этой целью с. 10 уже рассмотренного выше капитулярия Карла Великого от 805—806 гг., где запрещаются «*conspirationes*», с с. 16 того же капитулярия, запрещающим притеснять бедных свободных людей и лишать их наследства, а также с с. 15 того же памятника, где запрет свободным людям отдавать себя «*in seruitium dei*» без королевского разрешения мотивируется тем ущербом, который это наносит военной службе. (Ср. *Capitularia*, t. I, p. 124—125, № 44, с. 10, 15, 16).

с которых говорят хронисты IX—X вв (они же «свободные», «liberi» «Саксонской правды») и которые частично уже впали в зависимость от представителей старой родоплеменной саксонской знати (нобилей или эделингов)¹, но еще не успели полностью превратиться в крепостных держателей, членов возникающего феодального класса

Количественно менее значительную, но все же существенную составную часть складывавшегося саксонского крестьянства IX в представляли собою «литы», давнишние полусвободные члены племени, ведущие свое происхождение еще из родоплеменного строя и являющиеся, может быть, неполноправными членами общины с меньшими земельными наделами, чем свободные

Литы издавна находились в экономической и личной зависимости как от свободных — фрилингов, так и от представителей родовой знати — эделингов². Естественно, что литы стали первоначальным объектом феодальной эксплуатации новых крупных землевладельцев — церковных и светских

Однако основное ядро участников крестьянского восстания IX в в Саксонии составляли не литы, а именно фрилинги, т е свободные, частично впадающие в зависимость

Это видно из самого хода восстания Стеллинга, как он изображен наиболее достоверным из хронистов — Нитардом Он рассказывает об этом восстании в связи с изложением борьбы между внуками Карла Великого — Лотарем и Людовиком

Сообщая о делении всего саксонского племени на три стая — эделингов, или нобилей (знатных), фрилингов, или liberi (свободных), и литов, или lazzi (которых он неправильно считает просто несвободными)³, Нитард переходит к повествованию о том, как Лотарь после победы его братьев начал искать помощи и «нарядил посольство в Саксонию с обещанием дать фрилингам и лаццам, коих было бесконечное множество (quorum infinita multitudo erat), в случае если они будут на его стороне, законы (leges) их предков времен язычества и потом (действительно) эти законы им пожаловал Они же в ревностном стремлении получить эти

---

¹ Lex Saxonum, LXIV Liber homo qui sub tutela nobilis cuiuslibet erat

² Ср Lex Saxonum, XVI, XVIII, L Упоминание литов (литов) в числе зависимых людей дарителей Корвейскому аббатству в IX в указывает на то, что после франкского завоевания и роста феодальных отношений в Саксонии они влились в состав зависимого крестьянства С другой стороны, тот факт, что корвейские дарители мелкозачинного типа передавали монастырю латов, подтверждает данные Саксонской правды о давнишней зависимости латов как от фрилингов так и от эделингов Ср «Traditiones Corbeenses», hrsg von Wigand, Leipzig, 1843 См упоминание литов и латов у Falke Codex traditionum Corbeiensium, Lipsiae, 1752, № 24, 26, 34, 103 Ср также данные памятника феодального обычного права начала XIII в — Саксонского зеркала, которое сообщает о превращении в саксонских литов части завоеванных саксами в VI в северных тюрингов (Des Sachsenspiegels erster Teil, Landrecht, hrsg. von Honeyer, II Auflage, 1863, III Buch, 44, § 3) О том же свидетельствует и хронист X в Видукинд Корвейский См W idukind i Res gestae Saxonum, I, 14 (MGH Scriptores, t III p 424)

³ Такое понимание положения литов опровергается как Саксонской правдой, так и показаниями других хронистов, например Рудольфа Фульдского, который вводит между свободными саксами и рабами группу либертинов, очевидно, разумея под ними литов вместе с полусвободными вольноотпущенниками, что тоже неточно но все-таки ближе к истине Rudolfus Fuldensis Translatio S Alexandri MGH, Scriptores, t II, p 675 Quattuor igitur differentis gens illa consistit nobilitum scilicet et liberorum, libertorum atque servorum И Видукинд отчетливо различает литов и сервов ср W idukind i Res gestae Saxonum, I 14 (MGH Scriptores, t III, p 424) usque hodie gens Saxonum (triformi genere et lege praeter conditionem servilem dividitur

эксплуатации и тем самым положили ей некую грань и во всяком случае содействовали ее фиксации на определенном уровне. Поэтому и к саксонскому восстанию Стеллинга, несмотря на его явно реставраторский характер, вполне приложимо общее замечание Энгельса о крестьянских восстаниях VIII—IX вв.: «То обстоятельство, что с конца VIII и начала IX века повинности несвободных, и в том числе даже поселенцев-рабов, все больше устанавливаются в определенных, не подлежащих повышению размерах и что Карл Великий предписывает это в своих капитуляриях, было, очевидно, результатом угрожающего поведения этих несвободных масс»¹.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 412. Дальнейшим судьбам саксонского крестьянства посвящена основная часть кандидатской диссертации В. В. Дорошенко «Упадок свободного крестьянства в феодальной Саксонии X—XIII вв.» (М., 1949), которая начинается с анализа Саксонской правды и восстания Стеллинга.